

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАЕДРѢ.

Адресъ Редакціи:

Долгая улица № 13, въ зданіяхъ Варшавскаго Каедральнаго Собора при Консисторіи.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫШНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТЫЙШАГО СИНОДА.

Отъ 31-го декабря 1880 года объ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку съ церковно-славянскимъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 311, съ изъясненіемъ заключенія Комитета по дѣлу объ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку съ церковно-славянскимъ въ духовныхъ училищахъ. Въ заключеніи Комитета изложено: „принимая во вниманіе существенную важность знанія русскаго языка какъ вообще въ системѣ образованія отечественнаго юношества, предназначаемаго къ учительству въ церкви и въ школахъ, и въ виду недостаточныхъ успѣховъ по сему предмету, зависящихъ между прочимъ отъ скудности времени, назначеннаго уставомъ на русскій языкъ въ духовныхъ училищахъ, Учебный Комитетъ признаетъ необходимымъ увеличить число уроковъ въ IV классѣ училища, гдѣ положенъ только одинъ урокъ для русскаго языка.

Затѣмъ соображая количество уроковъ по другимъ предметамъ, а равно и штатное число преподавателей, Комитетъ находитъ возможнымъ, безъ измѣненія штата, отдѣлить три урока отъ греческаго языка и, перенесши оные на русскій языкъ, назначить для сего послѣдняго, вмѣсто одного урока, четыре въ IV классѣ училищъ. Независимо отъ сего, Комитетъ признаетъ цѣлесообразнымъ, въ видахъ возвышенія знанія русскаго языка въ духовныхъ училищахъ, подтвердить учителямъ сего предмета строго руководиться указаніями Комитета какъ относительно преподаванія русскаго языка, такъ и относительно письменныхъ упражненій. Учителямъ же другихъ предметовъ и особенно учителямъ классическихъ языковъ рекомендовать наблюдать за правильностію русской рѣчи въ устныхъ отвѣтахъ, въ переводахъ и въ письменныхъ упражненіяхъ воспитанниковъ. При такой дружной заботливости всѣхъ преподавателей о правильности и чистотѣ роднаго языка можно надѣяться на скорый подъемъ уровня знаній по сему важному предмету. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить, и для сообщенія о семъ, къ надлежащему исполненію правленіямъ духовныхъ училищъ, объявить епархіальнымъ преосвященнымъ циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“ установленнымъ порядкомъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

1. Назначеніе новаго цензора.

Архиастрарскою Его Высокопреосвященства резолюціею 22 минушаго января, Варшавскаго Каѳедрального собора протоіерей Александръ Метаніевъ, согласно его прошенію, уволенъ отъ должности цензора Холмско-Варшавскаго Епархіального Вѣстника и на должность эту назначенъ тогоже собора ключарь, протоіерей Климентъ Чеховичъ.

2. О порядкѣ представленія къ наградамъ медицинскихъ чиновъ, состоящихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ и другихъ учрежденіяхъ Холмско-Варшавской Епархіи.

По распоряженію Епархіального Начальства, къ свѣдѣнію и руководству тѣхъ учреждений Холмско-Варшавской Епархіи, при которыхъ состоятъ на службѣ врачи, объявляется отношеніе Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода къ Его Высокопреосвященству отъ 16 октября 1880 года за № 5134.

Велѣдствіе представленій епархіальныхъ начальствъ о награжденіи состоящихъ на службѣ по Православному Духовному Вѣдомству врачей, по установленному порядку, дѣлается сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, не имѣется ли со стороны онаго препятствій къ такому награжденію. Нынѣ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ проситъ о распоряженіи, чтобы при упомянутыхъ представленіяхъ о награжденіи медицинскихъ чиновъ, учреждениями Духовнаго Вѣдомства доставлялись и все свѣдѣнія, необходимыя для внесенія въ наградные списки сихъ лицъ, такъ какъ уѣздные, городовые, земскіе и другихъ вѣдомствъ медицинскіе чины опредѣляются на службу мѣстными начальствами и необходимыхъ свѣдѣній для представленій къ наградамъ въ Министерствѣ не имѣется.

Велѣдствіе сего долгомъ поставлю обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою сдѣлать зависящее распоряженіе, чтобы въ подвѣдомственныхъ Вамъ правленіяхъ духовно-учебныхъ заведеній, а равно и въ тѣхъ епархіальныхъ учрежденіяхъ, гдѣ могутъ находиться на службѣ врачи, при составленіи наградныхъ представленій о сихъ лицахъ были непремѣнно соблюдаемы установленныя для сего правила, изложенныя въ Св. Зак. т. III изд. 1876 г. уст. служб. Прав. разд. III-й глава V. При семъ считаю неизлишнимъ объяснить, въ частности, что 1, при представленіяхъ къ наградамъ врачей, состоящихъ на службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ, необходимо исполнять требованіе статьи 672 того же устава о взаимномъ соглашеніи подлежащихъ вѣдомствъ, о чемъ въ самомъ представленіи должно быть означено съ надлежащею полнотою; 2) наградные списки врачей, коимъ испрашиваются награды, должны быть составляемы съ строгимъ исполненіемъ формы, приложенной къ статьѣ 1147 Св. Зак. изд. 1857 г. т. III. Уст. Служб. Прав. по прод. 1863 г.; при чемъ, если представляемый къ наградамъ состоитъ на службѣ въ

другихъ вѣдомствахъ, должны быть подробно поименованы все занимаемыя такимъ лицомъ должности, — съ показаніемъ по каждой должности времени (годъ, мѣсяцъ и число), съ котораго представляемый состоитъ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, когда онъ опредѣленъ на ту или другую должность, — какого класса должность (каждая отдѣльно) и сколько производится по оной содержанія; 3) старшинство въ извѣстномъ чинѣ должно быть показываемо не временемъ полученія указа о семъ Правительствующаго Сената, какъ это дѣлается нѣкоторыми учреждениями духовнаго вѣдомства, а тѣмъ временемъ, какое дѣйствительно назначено для старшинства Правительствующимъ Сенатомъ.

3. Перемѣщеніе священниковъ.

Архиастрарскою Его Высокопреосвященства резолюціею 19 декабря прошлаго 1880 года настоятели церквей — Гродиской священникъ Іосифъ Дожнякъ и Шкоповской — священникъ Владиміръ Антоновичъ, сѣдлецкаго благочинническаго округа, согласно ихъ прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго, а именно: священникъ Дожнякъ — въ с. Шкопы, а священникъ Антоновичъ — въ с. Гродискъ.

4. Освященіе церквей Опольской и Добрыньской.

Приходская церковь въ с. Опольѣ II Влодавскаго благочинническаго округа, построенная въ 1821 году бывшимъ владѣльцемъ имѣнія Ополье Иваномъ Шлюбовскимъ и въ томъ же году освященная Влодавскимъ благочиннымъ, въ минушемъ 1880 году на отпущенные изъ церковностроительнаго кредита 809 рублей 76 коп. обновлена. По благословенію преосвященнаго Модеста, епископа Люблинскаго, обновленная Опольская церковь 14 октября минушаго года освящена во имя Святителя Николая Чудотворца благочиннымъ II Влодавскаго Округа въ сослуженіи трехъ священниковъ. При освященіи церкви присутствовало до 300 богомольцевъ большею частію изъ мѣстныхъ прихожанъ.

Приходская церковь въ с. Добрыньѣ I Бѣльскаго благочинническаго округа, построенная въ 1793 году княземъ Адамомъ Чарторійскимъ, въ минушемъ 1880 году на отпущенные изъ церковностроительнаго кредита 103 руб. 18 коп. приведена въ надлежащее благоустройство, состоящее въ сооруженіи новаго престола и жертвенника, въ устраненіи боковыхъ алтарей и въ устройствѣ новой гонтовой крыши. По благословенію преосвященнаго Модеста, епископа Люблинскаго, обновленная Добрыньская церковь 6 декабря минушаго года освящена во имя Успенія Пресвятой Богородицы благочиннымъ I Бѣльскаго Округа священникомъ Прокломъ Гомеллею въ сослуженіи настоятеля Пищацкаго прихода священника Павла Лисовскаго, настоятеля Горбовскаго прихода священника Іакова Лесюка и мѣстнаго настоятеля священника Петра Подковича. По освященіи церкви произнесено благочиннымъ приличное торжеству слово, а въ концѣ литургіи сказано священникомъ Подковичемъ другая проповѣдь о святителѣ Николаѣ. При освященіи цер-

кви и литургии съ молебствіемъ присутствовало около 80 прихожанъ. Въ исправленіи церкви прихожане участвовали доставкою гонты на крышу на 30 подводахъ.

5. Награжденіе церковнаго старосты похвальнымъ листомъ.

Староста Крестов оздвиженской церкви села Княжполя, Бѣлгородскаго уѣзда Люблинской губерніи, Николай Марковичъ, состоя въ этой должности съ 1868 года, обратилъ на себя вниманіе полезною для церкви дѣятельностію, увеличеніемъ церковныхъ суммъ и собственными въ пользу своей приходской церкви денежными пожертвованіями. За такое усердіе ко храму Божію Высокопреосвященный Леонтій Архіепископъ Холмскій и Варшавскій призналъ справедливымъ выдать поименованному старостѣ Марковичу похвальный листъ отъ 12 января сего 1881 года.

6. Утвержденіе въ должности церковнаго старосты.

Избранный прихожанами Домбровской домової церкви Западнаго Горнаго Округа, приписаной къ ченстоховской, въ должность церковнаго старосты надворный совѣтникъ Алексѣй *Запольскій*, Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 9 минушаго января утвержденъ въ означенной должности на третье трехлѣтіе.

7. Устройство и освященіе домової церкви въ зданіи бѣльской гимназіи.

По ходатайству директора бѣльской мужекой гимназіи коллежскаго совѣтника Левитскаго, съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Леонтія Архіепископа холмско-варшавскаго и попечителя варшавскаго учебнаго округа, въ залѣ названной гимназіи устроена домовая теплая церковь, въ которой православные ученики весьма нуждались въ холодное зимнее время. На устройство этой церкви употреблены иконостасъ и другія принадлежности бывшей приходской православной церкви въ г. Бѣлѣ, хранившіяся при бѣльской Кирилло-Меодіевской церкви. По порученію Его Высокопреосвященства, новоустроенная въ г. Бѣлѣ домовая церковь освящена во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго благочиннымъ сѣдлецкаго округа протоіереемъ Александромъ Чамовымъ въ сослуженіи настоятеля бѣльскаго собора протоіерея Аполлиарія Ковальницкаго и священника Кирилло-Меодіевской церкви Валеріана Кургановича.

ОТДѢЛЪ II.

Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы.

(Продолженіе)*).

Доселѣ и именно до второй половины XV ст. римскіе папы оставались спокойными зрителями того, что происходило внизу подъ ними по поводу вопроса о непорочномъ зачатіи; ни одинъ не возвысилъ своего голоса за или противъ этого вопроса. Первый, кто возвысилъ свой голосъ въ пользу благочестиваго мнѣнія, былъ папа Сикстъ IV.

Въ 1475 г. Сикстъ предложилъ церквамъ службу для праздника 8 дек., т. е. зачатія, — въ которой, согласно съ вѣроученіемъ францис. ордена и парижскаго университета, ясно выражалось ученіе о непорочномъ зачатіи. Спустя 6 лѣтъ послѣ того, онъ издалъ и постановленіе по случаю возникшихъ споровъ и отсюда происходившихъ безпорядковъ. Нѣкто Винченцо Банделли, доминиканецъ, въ публичныхъ диспутахъ и въ своихъ сочиненіяхъ сталъ утверждать, что тѣ становятся виновными въ ереси и въ смертномъ грѣхѣ, кои зачатіе св. Дѣвы считаютъ непорочнымъ. Такое жестокое обвиненіе не могло не затронуть совѣсти всѣхъ благочестивыхъ католиковъ, признававшихъ непорочное зачатіе. Понятно, что появленіе этого ученаго и его приверженцевъ въ Феррарѣ, Болоньѣ и во всей Романьи порождало не только шумъ и соблазны, но и многочисленные публичные безпорядки; почему папа счелъ свою обязанностію вмѣшаться въ это дѣло и успокоить спорящія стороны. Онъ издалъ свое постановленіе, которое гласило такъ:

„Положенія тѣхъ проповѣдниковъ, которые позволяютъ себѣ утверждать, что католики, держащіеся мнѣнія о сохраненіи Богородицы отъ первороднаго грѣха, будто бы пятнаютъ себя ересью или становятся виновными въ смертномъ грѣхѣ, или что отправляющіе службу непорочнаго зачатія и слушающіе при этомъ проповѣди, произносимыя по этому поводу, совершили чрезъ то смертный грѣхъ,—равно какъ и книги, содержащія такія положенія, мы апостольскою властію отвергаемъ и осуждаемъ, какъ невѣрныя, ложныя и отъ истины отступившія. При семъ мы опредѣляемъ и постановляемъ, что проповѣдники слова Божія, и тѣ, какого бы кто состоянія, класса, званія и служенія ни были, которые въ упорной дерзости осмѣлятся утверждать, что эти неодобренныя и осужденныя нами положенія истинны, или вышешпо-

именованныя книги стануть читать, хранить и выдавать за истинныя, послѣ того, какъ о подлежащемъ постановленіи были увѣдомлены, чрезъ это самымъ дѣломъ навлекають на себя приговоръ исключенія изъ церковнаго общенія.

Но чтобы отклонить мысль, что этимъ постановленіемъ дано догматическое опредѣленіе о вѣроученіи, о которомъ идетъ рѣчь, папа присовокушилъ объясненіе, что со стороны папскаго престола этого еще нѣтъ, и что по этому противниковъ Скота и Парижцевъ не слѣдуетъ до времени упрекать въ ереси⁴.

Нельзя не видѣть, что отношенія римскаго престола къ живому въ то время вопросу о непорочномъ зачатіи весьма странны. Въ продолженіи трехъ слишкомъ столѣтій въ церкви латинской широко распространяется праздникъ, введенный безъ вѣдома верховнаго архиепископа, а архиепископъ не считаетъ нужнымъ справиться, по какому поводу, на какомъ основаніи безъ его вѣдома и разрѣшенія вводится новый праздникъ? По вопросу о предметѣ праздника въ школахъ и въ обществѣ ведутся оживленные споры и распри,—а римскій престолъ молчитъ, апостольскій авторитетъ бездѣйствуетъ,—и только тогда, когда новое ученіе обозвали ересью и смертнымъ грѣхомъ, папа Сикстъ IV издалъ свое постановленіе; оно было первое, но въ высшей степени странное! Оно означало, что тѣ и другіе—правы, и признающіе непорочное зачатіе—не еретики, и отвергающіе его тоже не еретики, но крайней мѣрѣ въ то время. Здѣсь не было выражено прямого и открытаго исповѣданія истины. Самъ папскій авторитетъ опасается стать на ту или другую сторону: истина еще невыяснилась, не открылась, не созрѣла. Чѣмъ объяснить такое непонятно—странное отношеніе къ богооткровенной истинѣ, если она, по сознанію латинянъ, богооткровенная?

Авторъ, прежде порицавшій догматъ, а потомъ убѣдившійся въ немъ, сознавалъ странность этихъ отношеній и потому предложилъ съ своей стороны объясненія ихъ. „Послѣ базельскаго мнимаго собора, говоритъ онъ, римскому престолу слѣдовало-бы по многимъ причинамъ ближе стать къ данному вопросу,—но до Сикста IV онъ не принималъ никакого участія въ развитіи ученія о непорочномъ зачатіи“. Папы предоставляли будто-бы полную свободу самымъ вѣрующимъ. Въ этомъ случаѣ, какъ сознается авторъ, развитіе шло инымъ путемъ, чѣмъ въ древности развитіе догматовъ вѣры; любовь (надо думать, къ Богородицѣ) одушевлявшая все стадо (а не папство?) предшествовала авторитету папства¹⁾... „Нашему времени, продолжаетъ онъ, весьма трудно

понять поведеніе римскаго престола въ этомъ случаѣ, и потому мы хотимъ *подробнѣе* объяснить оное. Въ средніе вѣка, для обрѣтенія истины не было надобности раздѣляться въ публицистикѣ всевозможнымъ бѣснованіямъ. Это совершенно не то, что нынѣ. Тогда сознавали себя обладающими истиною и желали только имѣть отъ установленнаго Христомъ общаго папства охрану этого обладанія, а въ его мудрости—руководство въ дальнѣйшемъ ходѣ формальнаго развитія обладаемой истины. Къ этому руководству относились слѣдующія три обязанности: а) преемникъ Петра долженъ между возникшими вѣроученіями (Lehrform) указывать тѣ, которыя по существу дѣла или по формѣ выраженія совратились съ праваго пути, — затѣмъ б) возвращать ихъ въ свои границы, и наконецъ в) когда догматическое изслѣдованіе исчерпано и догматическое развитіе завершено, произнести свое окончательное опредѣленіе¹⁾).

Нельзя не видѣть, что это объясненіе, не смотря на свою *подробность* (?), въ высшей степени странное и весьма туманное. Что такое любовь предшествующая авторитету папства? Какъ понимать, что въ средніе вѣка сознавали себя обладающими истиною? Какъ приложить все объясненія автора къ развитію ученія о непорочномъ зачатіи, чтобы выяснитъ неопредѣленные отношенія римскаго престола къ данному вопросу? Кто обладалъ истиною непорочнаго зачатія, оемисты или скотпеты, доминиканцы или францисканцы? Мы видѣли, что тѣ и другіе сознаютъ себя обладающими истиною, и потому другъ друга обзываютъ еретиками, виновными въ смертномъ грѣхѣ,—кто же изъ нихъ правъ? на чьей сторонѣ истина? Въ чемъ выразилась мудрость общаго папства Сикста IV? Въ этой ли нерѣшительности — истину назвать истиною безъ страха и колебаній? Кратко, объясненія автора, и при томъ еще *подробнѣе*, насколько не объяснили, почему папы въ продолженіи слишкомъ трехъ столѣтій оставляли безъ вниманія какъ праздникъ непорочнаго зачатія, такъ и ученіе, составляющее предметъ этого праздника, и почему Сикстъ IV первый и притомъ такъ нерѣшительно выступилъ въ пользу новаго ученія? Авторъ одно только ясно сказалъ, что нашему времени весьма трудно понять поведеніе римскаго престола, объясняемое такимъ туманнымъ образомъ.

А между тѣмъ дѣло объясняется очень просто. Сикстъ IV былъ монахомъ францисканскаго ордена; въ этомъ весь и секретъ. Сдѣлавшись папой, онъ, очень понятно, воспользовался своею верховною властію, чтобы дать перевѣсъ ученію своего ордена. Но такъ какъ орденъ доминиканцевъ въ то время поль-

¹⁾ Zum L. стр. 56.

¹⁾ Ib. стр. 57.

зовался большою силою и значеніемъ въ Церкви, то идти противъ него хоть бы и папѣ, было не совсѣмъ удобно и благоразумно. Обозвать еретиками доминиканцевъ — это значило бы произвести великія смуты и потрясенія въ Церкви, а пожалуй и отпаденія и расколы. Осторожность папѣ не позволяла имъ рѣшиться на такую мѣру и въ послѣдствіи.

При такомъ взглядѣ на дѣло будетъ страннымъ мнѣніе автора, что „постановленіемъ Сикста IV поставлены были границы, внутри которыхъ ученіе о непорочномъ зачатіи продолжало свое дальнѣйшее развитіе“. Какое же развитіе, когда внѣшнюю властію одно мнѣніе поддерживаютъ и подкрѣпляютъ, а другое наоборотъ ограничиваютъ и ослабляютъ? Всѣ послѣдующія постановленія направлены были на пользу новаго ученія, съ одной стороны, и къ ограниченію противоположнаго, съ другой. Съ усиленіемъ ордена іезуитовъ, взявшихъ подъ свою защиту ученіе о непорочномъ зачатіи, и съ паденіемъ значенія доминиканцевъ, противниковъ этого ученія, новое ученіе, естественно, восторжествовало, а противорѣчіе ослабѣло и замерло. Таково, по нашему мнѣнію, дальнѣйшее развитіе догмата; это развитіе было не изъ существа его, а совѣтъ, по внѣшнимъ, стороннимъ для догмата обстоятельствамъ, какъ и увидимъ ниже.

Послѣ сего намъ бы слѣдовало обратиться къ постановленію Тридентскаго собора о новомъ ученіи, но мы не можемъ оставить безъ вниманія изложеніе этого ученія у Лютера, которое онъ вынесъ изъ латинской Церкви и котораго нѣкоторое время держался по отдѣленіи отъ нея. Его изложеніе отличается нѣкоторыми новыми сторонами пониманія догмата, и кромѣ того свидѣтельствуетъ о состояніи этого вопроса въ нѣмецкихъ богословскихъ школахъ XV столѣтія.

Въ одной проповѣди онъ излагаетъ новое ученіе въ слѣдующемъ видѣ: нѣкоторые говорили, что зачатіе человѣка двояко: одно, которое происходитъ отъ естественнаго смѣшенія мужа и жены, а другое, совершающееся тогда, когда въ тѣло, устроенное во чревѣ матери, вводится душа, сотворенная Богомъ. О первомъ зачатіи мы здѣсь не говоримъ, а имѣемъ въ виду *второе*. О введеніи души въ тѣло Маріи нѣкоторые думаютъ благочестиво, что оно совершилось безъ первороднаго грѣха, такъ что Марія при введеніи души вмѣстѣ съ тѣломъ была очищена и отъ первороднаго грѣха и украшена отъ Бога дарами, чтобы воспринять св. душу, влитую въ Нею Богомъ, и такимъ образомъ съ перваго мгновенія своего бытія Она была безъ всякаго грѣха. Потому что до оживленія Ея душой можно сказать, что тамъ не было ни грѣха, ни не грѣха; ибо о присутствіи или от-

сутствіи грѣха прилично говорить только по отношенію къ душѣ и живому человѣку. Такимъ образомъ Дѣва Марія занимаетъ средину между Христомъ и другими людьми. Христосъ съ самаго зачатія, во всю свою жизнь, въ каждое мгновеніе былъ преисполненъ благодати. Люди же лишены благодати и въ первомъ и во второмъ зачатіи. А Дѣва Марія хотя по первому зачатію была безъ благодати, однако по второму была преисполнена благодатию, — и это не несправедливо, потому что и по рожденію она занимаетъ также средину; такъ какъ Она рождена отъ отца и матери, по сама родила безъ отца и стала матерію частію (zum Theil) плотскаго, а частію духовнаго сына, ибо Христосъ двойственъ, зачатый отъ Ея плоти и отъ Духа св. Но Христосъ есть отецъ многихъ чадъ безъ плотскаго отца и безъ плотской матери. Поэтому какъ Дѣва Марія справедливо есть средина между плотскимъ и духовнымъ рожденіемъ, такъ справедливо занимаетъ таковую же средину и по зачатію. Потому что какъ всѣ другіе люди зачинаются во грѣхѣ по душѣ и по тѣлу, Христосъ же безъ грѣха по душѣ и по тѣлу, то слѣдуетъ, чтобы Марія Дѣва была зачата по тѣлу хотя безъ благодати, но по душѣ полною благодати. Это то и выражаютъ слова, сказанныя Ей ангеломъ: „благословенна ты въ женахъ“. Ибо нельзя бы было Ей сказать: благословенна ты, еслибы прежде Она подлежала проклятію. Справедливость требовала, чтобы отъ грѣха было сохранено то лицо, отъ котораго Христосъ долженствовалъ воспринять плоть, имѣющую побѣдить всѣ грѣхи. Ибо благословеннымъ называется то, что одарено божественною благодатию, т. е. то, что безъ грѣха. Но объ этомъ другіе писали гораздо больше и выставили прекрасныя причины, говорить о которыхъ здѣсь пришлось бы слишкомъ долго⁽¹⁾.

Это исповѣданіе авторъ произнесъ спустя 10 лѣтъ послѣ знаменитыхъ тезисовъ; — а чрезъ годъ послѣ произнесенія этого исповѣданія онъ уже стоялъ на другой точкѣ зрѣнія. „Что Богъ сдѣлалъ съ Маріей при второмъ Ея зачатіи, говоритъ онъ въ 1528 г., того непоказано въ Писаніи; поэтому для вѣрованія и нельзя ничего выдавать за достовѣрное. Мысли — безпошлинны, каждый можетъ думать, что хочетъ, но никакого члена вѣры изъ этого онъ дѣлать не можетъ“⁽²⁾. Справедливое замѣчаніе, но нашъ авторъ сожалѣетъ, что Лютеръ такъ скоро утратилъ свое прекрасное исповѣданіе. Не то жалко, что онъ утратилъ ученіе о *второмъ* по нашему

¹⁾ Zum Lobe стр. 60—61. Luthers sammtl. Schriften von Walch. Halle 1745. 4^o. XI. 2614—2617.

²⁾ Ib. XI, 2615.

мнѣнію *несуществующемъ* зачатіи, а то, что онъ дѣйствительно далъ такое направленіе богословской мысли своихъ послѣдователей, идя по которому, они отвергли ученіе вселенской Церкви о Приснодѣвствѣ Богоматери и чрезъ то лишили Ее той красоты, которою Она сіяетъ всему міру.

Обратимся теперь къ Тридентскому собору.

Тридентскій соборъ считается въ латинской церкви—вселенскимъ, и въ такомъ качествѣ онъ имѣетъ великое значеніе для католиковъ. На немъ формулировалась средневѣковая латинская Церковь,—строго опредѣлила свое вѣроученіе и свои обряды и такимъ образомъ окончательно обособилась, какъ отъ Церкви Восточной, такъ и отъ ново-возникшихъ въ то время протестантскихъ обществъ. Слѣдовало бы ожидать, что и новое ученіе о непорочномъ зачатіи получить здѣсь на этомъ соборѣ свое точное опредѣленіе; однакожь этого не случилось. Соборъ возобновилъ только постановленія Сикста IV, не прибавляя къ нимъ ничего новаго. Вотъ его опредѣленіе: „св. соборъ объявляетъ, что онъ не имѣетъ намѣренія въ этомъ опредѣленіи о первородномъ грѣхѣ разумѣть благословенную и непорочную Дѣву Марію Матеръ Божию; но должны быть соблюдаемы постановленія блаженной памяти Сикста IV подъ угрозою наказаній, въ нихъ положенныхъ, каковыя постановленія здѣсь и возобновляются“. Кромѣ того, на шестомъ засѣданіи было принято еще слѣдующее правило: „если кто станетъ утверждать, что человекъ въ продолженіи всей своей жизни можетъ избѣгать всѣхъ грѣховъ даже дозволенныхъ, якобы въ силу особеннаго преимущества Божія, какъ церковь содержитъ относительно благословенной Дѣвы,—да будетъ анаѣма.“ Сап. 23.

Латинскіе авторы стараются представить дѣяніе собора по этому вопросу въ такомъ свѣтѣ, какъ будто всѣ присутствующіе единогласно и рѣшительно приняли это постановленіе. Нашъ авторъ говоритъ: „по предложенію предсѣдательствующихъ кардиналовъ (т. е. легатовъ) на соборѣ, члены собора единогласно и рѣшительно присоединились къ опредѣленію“. Между тѣмъ дѣло происходило далеко не такъ. Во первыхъ, какъ скоро коснулись вопроса о непорочномъ зачатіи, поднялись горячіе споры. На предложеніе Пашеко, принятое большинствомъ, всѣ епископы и лица, принадлежащіе къ доминиканскому ордену, съ жаромъ возстали противъ большинства и привлекли на свою сторону другихъ¹⁾. А епископъ де-Фано выразился такъ: „доселѣ церковь постоянно признавала, что истина по отношенію къ этому спорному вопросу *еще не открыта ей*. Зачѣмъ же терять столько трудовъ и времени на пред-

метъ, который не принадлежитъ къ области всеобщей вѣры? Лучшее всего наложить на это всегдашнее молчаніе и такимъ образомъ положить конецъ всеобщимъ крикамъ, способнымъ производить только соблазнъ“. Хотя это мнѣніе не было принято, но по крайней мѣрѣ оно побудило уничтожить въ опредѣленіи всѣ выраженія, которыя могли казаться благопріятными тому или другому изъ двухъ противоположныхъ вѣрованій. Съ этою цѣлю богословы предложили вышеприведенное опредѣленіе, со словами: соборъ не имѣетъ намѣренія *въ настоящее время* въ этомъ опредѣленіи и т. д. Слова въ настоящее время, которыя могли вести къ той мысли, что на будущее время предоставляется соборамъ право обратиться мнѣніе о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы въ догматъ, подали поводъ къ новымъ замѣчаніямъ, въ слѣдствіе которыхъ и онѣ были выброшены.

Во вторыхъ, сами легаты, предсѣдательствовавшіе на соборѣ, были противоположныхъ мнѣній, между тѣмъ по представленію нашего автора, они являются согласными. Паллавичини говоритъ: „легаты были различнаго мнѣнія: кардиналъ де-Монте объявилъ, что онъ вѣруетъ зачатію безъ первороднаго грѣха,—Марселли де-Червини, что онъ держится противнаго мнѣнія: что касается до Поля, то о немъ я не знаю ничего навѣрное. Впрочемъ всѣ три соглашались въ томъ, что не надо подавать повода къ возбужденію споровъ между католиками и что слѣдуетъ воспретить всякое выраженіе, которое бы могло дать вѣсь догмата тому, что было *протымъ* мнѣніемъ... По этому-то они никакъ не соглашались, чтобы постановлено было что нибудь рѣшительное касательно зачатія Пресв. Дѣвы“. Эти событія говорятъ сами за себя и ясно свидѣтельствуютъ, что догматъ непорочнаго зачатія далеко не былъ всеобщимъ вѣрованіемъ латинской церкви во время Тридентскаго собора. Опредѣленіе его въ то время было невозможно; противники его еще были многочисленны и сильны.

Такое нерѣшительное опредѣленіе Тридентскаго собора, хотя и давало преимущество благочестивому мнѣнію о непорочномъ зачатіи, но тѣмъ не менѣе не прекратило споровъ и распрей, продолжавшихся и послѣ собора.

Такъ, вскорѣ послѣ собора, бельгійскій богословъ нѣкто де-Вай утверждалъ, что „никто кромѣ Христа несвободенъ отъ первороднаго грѣха, по этому благословенная Дѣва умерла въ слѣдствіе первороднаго грѣха, и всѣ Ея скорби были карательными страданіями за первородный грѣхъ¹⁾“. Но эта проповѣдь бель-

¹⁾ Pallavicini, Hist. du conc. de Trent. liv. VII, chap. VII

¹⁾ Personne n'est sans peche originel, à exception de Jesus-Christ seul, ainsi la Vierge est morte à cause du péché qu'elle

гійскаго писателя повела къ тому, что богословскій факультетъ парижскаго университета издавалъ противъ него неоднократно приговоры, а трое папъ — Пій V, Григорій XIII и Урбанъ VIII, осудили его положенія о зачатіи вмѣстѣ съ другими подобными (въ числѣ 78), какъ соблазнительныя и ложныя.

Къ этому времени относится то весьма важное обстоятельство, что орденъ іезуитовъ, впоследствии столь могущественный,—беретъ подъ свою защиту ученіе о непорочномъ зачатіи. Первый іезуитъ изъ нѣмцевъ Петръ Канвизій, прославившійся въ латинской Церкви своею ученостію, катихизисомъ и жизнію,—написалъ житіе Богородицы, въ которомъ вопросъ о непорочномъ Ея зачатіи, по словамъ латинскихъ богослововъ, нашель обстоятельное и ясное изложеніе. Точно также и кардиналъ Беллярминъ, въ своемъ сочиненіи: „Разсужденія о противорѣчіяхъ вѣры противъ еретиковъ сего времени“, ученію о непорочномъ зачатіи посвятилъ цѣлый рядъ главъ, тщательно обработанныхъ и снабженныхъ „діалектическими побѣдоносными пріемами“.

Доселѣ той средой, въ которой развивалось новое ученіе, была средняя Европа, и преимущественно Франція, а за ней Германія. Но со времени реформациі, когда вниманіе богослововъ и католическихъ народовъ средней Европы было обращено на другіе болѣе важные предметы, — когда религіозныя распри народовъ смѣшались съ политикой и повели къ международнымъ войнамъ, тогда вопросъ о непорочномъ зачатіи отодвинулся на второй планъ. Живою интересъ къ нему перешель теперь въ ту страну, которая оставалась нетронутою движеніями реформациі,—именно въ Испанію. Въ XVII столѣтіи она занимаетъ то мѣсто по отношенію къ этому вопросу, какое ранѣе въ XIV и XV столѣтіяхъ занимала Франція.

Это произошло, благодаря доминиканцамъ. Они перенесли сюда споры о непорочномъ зачатіи, и привлекли испанскій народъ къ участию въ нихъ. Но главное и самое дѣятельное участіе принадлежало мадридскому двору. Особенно два Филиппа изъ дома Габсбурговъ, III и IV, отличавшіеся своимъ благочестіемъ, были снѣдаемы ревностію о непорочномъ зачатіи Богоматери. И здѣсь дѣло не обошлось безъ участія благочестивыхъ женщинъ. Это были двѣ благочестивыя женщины—одна дочь императора Максимилиана I, свояченица Филиппа II и тетка Филиппа III по матери, Маргарита старшая, состоявшая аббатиссой одного монастыря и пользо-

вавшаяся почетомъ въ Римѣ и влияніемъ на короля Филиппа III,—другая же извѣстная подъ именемъ Маріи де Езузъ изъ простаго званія, тоже настоятельница одного женскаго монастыря, имѣвшая вліяніе на короля Филиппа IV.

Когда въ Севильѣ возникли горячіе и соблазнительные споры о зачатіи Богоматери, Маргарита старшая склонила короля Филиппа III просить папу Павла V вмѣшаться въ это дѣло. Папа возобновилъ (6 іюля 1616 г.) постановленія Сикста IV; но безпокойства отъ этого не кончились, напротивъ, раздраженіе усилилось еще болѣе, когда доминиканцы стали съ каедръ горячо оспаривать ученіе о непорочномъ зачатіи. Мадридскій дворъ отправилъ особое посольство въ Римъ, представляя папѣ на видъ это обстоятельство. На это ходатайство посольство получило декретъ инквизиторской конгрегациі, которымъ запрещалось впредь публично съ церковныхъ и свѣтскихъ каедръ говорить противъ непорочнаго зачатія.

Но королевская семья и Маргарита этимъ не удовольствовались; они желали, чтобы римскій престолъ возвелъ благочестивое мнѣніе на степень догмата и такимъ опредѣленіемъ положилъ конецъ всѣмъ спорамъ. Съ этою цѣлію отправлено въ Римъ новое посольство съ прошеніями отъ всего народа, — въ 10 большихъ томахъ. Король и народъ просили папу о формальномъ утвержденіи новаго ученія. Три года жило тамъ посольство,—12 аудіенцій имѣлъ посоль у папы, но тѣмъ не менѣе просьба не была уважена,—такъ какъ „представленія посла казались мудрости папы недостаточными“; „требовались еще какія-то церковно-историческія обоснованія“(?).

Филиппъ III померъ, не дождавшись исполненія просьбы; папа Пій V тоже,—не исполнивши желанія народа. Новый король, вскорѣ по вступленіи на престолъ, отправилъ въ Римъ новому папѣ Григорію XV письмо, въ которомъ просилъ, чтобы „его святѣйшество благоволило потрудиться возвеличить благоговѣніе въ св. Дѣвѣ и распространить оное въ христіанскомъ народѣ“. Такого же рода были письма и отъ прочихъ членовъ королевской фамиліи, въ томъ числѣ и отъ Маргариты, тетки короля. — Григорій XV тоже не удовлетворилъ этихъ просьбъ, — но издалъ новое постановленіе (отъ 24 мая 1622 г.), въ которомъ запрещеніе Павла V открыто учить противъ непорочнаго зачатія—распространилъ и на частныя письма и бесѣды. Вмѣстѣ съ этимъ былъ опредѣленъ и смыслъ праздника. Такъ какъ доминиканцы, отвергая непорочное зачатіе, утверждали, что 8 декабря празднуется не зачатіе, а освященіе Дѣвы Маріи,—то во второй части постановленія повелѣвалось въ праздникъ 8 декабря разумѣть зачатіе Дѣвы, а не освященіе Ея. Такимъ опредѣленіемъ дѣло близилось къ своему концу; не много не доставало еще чтобы

avait contracté dans Adam, et toutes les souffrances qu'elle a eues en cette vie, sont comme celles des autres justes, des peines du péché originel ou actuel. Dupin, Bibliothèque des auteurs ecclésiastiques. Paris. 1702. 4°. XVI, 140.

назвать это ученіе догматомъ. Поэтому, всѣ ревнители непорочнаго зачатія съ великою радостію встрѣтили это опредѣленіе. Францискане въ продолженіи трехъ ночей иллюминировали въ Римѣ свои монастыри и храмы. А въ Испаніи взрывы радости были такъ шумны, что папа счелъ нужнымъ въ особенномъ бреве напомнить ликующимъ сынамъ Церкви объ умѣренности.

Но не смотря на радость, ни король, ни народъ не были вполне удовлетворены, и потому по смерти Григорія XV, король, по влиянію благочестивой монахини *Marii de Euzes*, которую разъ посѣтилъ въ монастырѣ, и съ которой состоялъ въ перепискѣ, — снова обратился въ Римъ съ просьбою объ утвержденіи ученія. Народъ ревностно содѣйствовалъ своему королю. Въ теченіи 9 лѣтъ издано было 27 сочиненій — во славу непорочнаго зачатія, и большею частію свѣтскими и, какъ выражаются, значительными людьми (напр. одно — инфантеріи полковникомъ, другое — профессоромъ правъ и под.). Въ тоже время францискане составили ученое общество, которое положило своей задачей перерыть всѣ библіотеки Европы съ цѣлію, чтобы все, что найдется о непорочномъ зачатіи, обратить на пользу новаго ученія. Петръ де Альва и де Асторга, стоявшій во главѣ этого общества въ короткое время издалъ 16 сочиненій, — нѣкоторыя въ фоліантахъ значительнаго объема, — въ пользу благочестиваго ученія о непорочномъ зачатіи.

Всѣ эти усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, когда на римскій престолъ возшелъ папа Александръ VII (Фабіо Хиги изъ Сиены). Еще прежде, своимъ сочиненіемъ: „Слава безгрѣшно зачатой Дѣвы Маріи“ онъ примкнулъ къ ученикамъ Скота и Иоанна Сеговія. И потому, когда новый посланникъ короля Филиппа, еп. Людвигъ изъ Плазенціи, представилъ ему покорнѣйшую просьбу мадридскаго двора и народа, то онъ 8 декабря 1661 г. издалъ знаменитую буллу „Sollicitudo“. Благоговѣніе къ преблагословенной Богоматери Дѣвѣ Маріи, такъ говорится тамъ въ первомъ параграфѣ, издревле заставляло вѣрующихъ вѣровать, что Ея душа въ первое мгновеніе Ея творенія и соединенія съ тѣломъ, въ силу особаго благодатнаго преимуществва Божія, въ виду заслугъ Ея Сына, Искупителя рода человѣческаго Иисуса Христа, сохранена была свободною отъ оскверненія первороднымъ грѣхомъ, и въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ торжественно чтить и совершать праздникъ Ея зачатія“. Такъ найдена была формула догмата! При этомъ онъ возобновляетъ постановленіе своихъ предшественниковъ и кромѣ того отъ себя прибавляетъ строгое запрещеніе, чтобы ни подъ какимъ видомъ, ни устно, ни письменно, ни публично, ни част-

но, никто не смѣлъ разсуждать о непорочномъ зачатіи; но въ тоже время, мнѣніе противоположное, о зачатіи подъ грѣхомъ, не осмѣливается назвать еретическимъ или равнымъ смертному грѣху; потому что папскій престолъ относительно этого предмета не издалъ еще никакого формальнаго опредѣленія.

Латинскіе писатели удивляются, что такія постановленія кажутся соблазнительными лютеранамъ и потому стараются разъяснить имъ, что здѣсь нѣтъ ничего соблазнительнаго. Съ точки зрѣнія латинской Церкви это пожалуй такъ, — но съ точки зрѣнія истиннаго христіанства — это рѣшительно не такъ. — Только въ язычествѣ жрецы предоставляли себѣ знаніе таинъ религіи, а массу оставляли въ невѣжествѣ; не таковы отношенія въ христіанствѣ. Пастыри должны возводить умы вѣрующихъ къ разумнѣю и созерцанію истинъ вѣры, — а не заставляютъ ихъ молчать и не думать о предметѣ, который живой имѣетъ интересъ для нихъ. Такими постановленіями безусловно нарушается свобода христіанина во Христѣ. И что это за истина, въ которую обязываютъ вѣрить, но о которой не позволяютъ разсуждать? Въ христіанствѣ подобныя явленія рѣшительно ненормальны, какъ и убѣдимся въ томъ впоследствии.

Участіе Испаніи въ дѣлѣ развитія ученія о непорочномъ зачатіи кончилось; на мѣсто ея вступаютъ Италія. XVII в. принадлежалъ Испаніи, — XVIII и XIX принадлежатъ Италіи.

Въ самомъ началѣ XVIII ст. папа Климентъ XI издалъ (1708 г.) постановленіе, которымъ праздникъ 8 декабря, доселѣ предоставленный свободѣ вѣрующихъ, теперь предлагался всей латинской церкви, какъ обязательный. — Въ половинѣ столѣтія на защиту ученія о непорочномъ зачатіи выступилъ основатель ордена редемптористовъ, славный своимъ благочестіемъ и своимъ учеными трудами Альфонсъ Лигуоріо, Григоріемъ XVI причисленный къ лику святыхъ, а папою Піемъ IX за ученые труды возведенный въ санъ доктора церкви (*doctor Ecclesiae*).

„Двумя предметами съ особенною любовію занимаюсь Лигуоріо, это — были таинство Евхаристіи и Преблагословенная Дѣва Марія“. Французскому волтеріанизму, говоритъ нашъ авторъ, котораго онъ былъ современникомъ, Лигуоріо какъ будто хотѣлъ противопоставить какъ самыя дѣйствительныя и спасительныя средства, — два главные жизненные источника церкви: Евхаристическаго Христа и Побѣдительницу древняго змія¹⁾.

„Величіе Маріи“ — вотъ заглавіе сочиненія, въ которомъ онъ *ex professo* разсуждаетъ о Богоматери. Половину сочиненія занимаетъ изъясненіе

¹⁾ Zum Lobe... стр. 76—77.

словъ: „Радуйся Царице!"; другая половина содержитъ рѣчи на главнѣйшіе праздники Богородицы, вмѣстѣ съ различными молитвенными размышленіями, чувствованіями и обращеніями. „Не будетъ превеличеніемъ, если скажемъ, что первая изъ этихъ рѣчей есть самая увлекательная и общедоступная изъ всего, что было писано о тайнѣ непорочнаго зачатія. Главная точка зрѣнія, съ которой онъ разсматриваетъ эту тайну, таже самая, на какой стоитъ Дунсъ Скотъ, именно — *точка приличія* (Gesichtspunkt der Schicklichkeit)". „Было бы неприлично, — такъ между прочимъ доказываетъ Лигуоріо, I. Христу родиться отъ скверной, искалеченной и діаволомъ одержимой жены. Въ самомъ дѣлѣ прилично ли было Ему родиться и отъ такой жены, которая, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время по душѣ была скверной, предметомъ божественнаго гнѣва, невольницей люцифера? Богъ, Который есть сама Премудрость, навѣрное умѣлъ себѣ создать такое жилище на землѣ, какое было достойно Его. *Премудрость созда себѣ домъ*" (Притч. 9, 1.). Всевышній освятить Ее въ жилище себѣ, Богъ поможетъ Ей съ ранняго утра. Пс. 45, 5. 6. „*Mane diluculo*" т. е. раннимъ утромъ, при первомъ появленіи дня, въ началѣ Ея жизни. По истинѣ, столь святому Богу было бы неприлично для своего собственнаго употребленія имѣть домъ, который бы былъ несвятъ. „*Дому Твоему подобаетъ святія Господи въ долготу дній*". Пс. 92, 5. Онъ Самъ сказалъ: „*въ злохудожную душу не увидитъ премудрость*", не будетъ обитать въ тѣлѣ, которое предано грѣху. Прем. 1, 4. Какъ поэтому мы могли бы вѣровать, что Сынъ Божій избралъ себѣ въ душѣ и тѣлѣ Маріи жилище, не освятить напередъ тѣло и не сохранивъ душу отъ всякой нечистоты? Ибо вѣчное Слово обитало, какъ говоритъ св. Ѳома, не только въ душѣ Маріи но и тѣлесно въ Ея матернемъ лонѣ. „Ты, о Господи, поетъ св. Церковь, не отвратился отъ нѣдра Дѣвы". Онъ отвратился бы отъ нѣдръ всякой другой дѣвы, хотя бы и очень святой, потому что они все осквернены нечистотой первороднаго грѣха, но не отъ нѣдръ Маріи, Которую Онъ удостоилъ своею особою любовью, чтобы Она всегда оставалась чистою отъ всякой грѣховной скверны и никогда не была заражена ядомъ враждебнаго змія. „Ни одинъ домъ не былъ бы достоинъ Сына Божія, пишетъ объ этомъ Августинъ, — кромѣ того, который Онъ создалъ себѣ въ Маріи. Онъ никогда не былъ въ обладаніи врага, никогда не былъ хищнически лишенъ своего украшенія". „Было ли это слышно, спрашиваетъ Кириллъ Александрійскій, чтобы строитель, который возводитъ домъ для своего собственнаго употребленія, предоставилъ его въ жилище и обладаніе своего злѣйшаго врага?" Таковъ

характеръ доказательствъ „доктора Церкви", благочестиваго Лигуоріо.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи развитіе закончилось. Въ исторіи догмата случились слѣдующія весьма важныя событія: а) папа Григорій XVI установилъ новую службу для праздника 8 декабря и разослалъ по всемъ церквамъ; б) генераль доминиканскаго ордена объявилъ святѣйшему отцу, что онъ безусловно принимаетъ новую службу а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отъ себя лично, такъ и отъ лица ордена, открыто и торжественно отрекается отъ мнѣній, относительно зачатія Богоматери, которыя защищала орденъ съ XIV ст.; в) въ Римѣ устроены медали въ честь непорочнаго зачатія, которыя, говорятъ, производили чудеса и распространяли славу этого ученія; г) наконецъ въ половинѣ столѣтія послѣдовало окончательное утвержденіе мнѣнія о непорочномъ зачатіи въ качествѣ догмата. Это сдѣлано было папою Піемъ IX.

Посмотримъ, какъ латинскіе богословы смотрятъ на обстоятельства провозглашенія новаго догмата; представляемъ подлинныя слова автора убѣжденнаго въ истинности догмата:

„Если бы кто пожелалъ найти такое слово, говорить онъ, которое бы выражало самое внутреннее существо Пія IX, зерно его личности, то едва ли можно предложить лучшее слово, какъ „любимецъ Маріи" (Lieblingssohn Marias).

„Рожденный въ мѣсяцъ Маріинъ, онъ получилъ во св. крещеніи, вмѣстѣ съ именемъ усыновленнаго сына Матери Божіей — Иоанна, — самое имя *Маріи*. Въ юной душѣ его позднѣе насаждено было его матерю и заботливо возвращено благоговѣніе къ преблагословенной Дѣвѣ. Житейскіе планы 22-лѣтняго юноши, повидимому, разбиты были тяжкими и необыкновенными припадками эпилепсіи. Тогда онъ отправился въ Лоретто и обѣщавъ всего себя отдать непорочно-зачатой, если по Ея ходатайству онъ освободится отъ этой страшной болѣзни. Его благочестивая молитва была услышана. И Джіованни Марія Мастаи Феретти изъ Синиаглии сталъ не только нравственно чистымъ и ревностнымъ священникомъ, но и неутомимымъ ревнителемъ славы Маріи. Провидѣніе возводило его по ступенямъ церковныхъ почестей, доколѣ не возвело на высшую ступень священства. Рѣшимость превознести славу Богородицы утвержденіемъ ученія о Ея непорочномъ зачатіи созрѣла въ немъ прежде, чѣмъ ужасные опыты 1848 г. изгнали его изъ Рима и заставили бѣжать въ Гаэту.

„Все уже было готово къ опредѣленію догмата. Безчисленное множество епископовъ умоляло его объ этомъ; а въ народѣ благоговѣніе къ непорочно-зача-

той, *вслѣдствіе дѣйствія медалей съ 1832 г.*, возрасло до высшей степени.

„Въ такихъ обстоятельствахъ папа Пій IX, 2 февраля 1849 г. изъ Гаэты отправилъ свое знаменитое „Окружное Посланіе“ „*Ubi primum*“ къ Патріархамъ, Примасамъ, Архіепископамъ и Епископамъ всего католическаго христіанства.

„Когда мы, не ради нашихъ заслугъ, такъ гласить его вступленіе, — по таинственнымъ опредѣленіемъ божественнаго Провидѣнія возведены были на верховный престолъ князя Апостоловъ и приняли управленіе всю Церковію, — мы преисполнились величайшею радостію, поелику знали, какъ во время первосвященства нашего предшественника, Григорія XVI, чудеснымъ образомъ оживилось въ католическомъ мірѣ желаніе, чтобы съ апостольскаго престола рѣшено было наконецъ торжественнымъ образомъ, что Пресвятая Богородица и наша общая любвеобильнѣйшая Мать, непорочнѣйшая Дѣва Марія зачата была безъ первороднаго грѣха“. Затѣмъ прибавивъ, что подобныя желанія и ему были представляемы, продолжаетъ: „Въ самомъ дѣлѣ, такого рода просьбы намъ были чрезвычайно пріятны и желательны, потому что съ ранняго дѣтства мы не считали для себя ничего важнѣе, ничего достойнѣе, какъ почитать преблагословенную Дѣву Марію особеннымъ благоговѣніемъ, преданностію и искреннимъ благочестіемъ, равно какъ и совершить все то, что являлось возможнымъ сдѣлать къ возвеличенію славы и чести самой Дѣвы и къ распространенію Ея почитанія (культы). Поэтому мы, съ самаго начала нашего понтификатства, усердно и со всею ревностію обращали наши мысли и заботы на это столь важное дѣло, и не преставали возсылать наши смиренныя и горячія мольбы къ Богу, да просвѣтитъ Онъ нашъ умъ свѣтомъ своей небесной благодати, дабы мы могли знать, что должно быть нами сдѣлано въ этомъ дѣлѣ. Мы живемъ надеждой, что преблагословенная Дѣва, которая вершину заслугъ своихъ вознесла превыше всѣхъ ликовъ Ангельскихъ, даже до престола Божества, и стерла главу древняго змія погою добродѣтели, и будучи посредницей между Христомъ и Церковію, исполненная благодати и истины, спасала во всѣ времена христіанскій народъ отъ великихъ бѣдствій, отъ преслѣдованій всѣхъ враговъ и отъ ихъ возстаній, и сохраняла отъ гибели, — по своей обычной материнской любви сжалится и теперь надъ нашими печальными и горестными обстоятельствами надъ преогорчающими насъ стѣсненіями, трудами и нуждами, и какъ удары гнѣва Божія, которыя мы навлекаемъ нашими грѣхами, отвратитъ своимъ непрестающимъ и всемогущимъ ходатайствомъ, такъ равно и страшныя обуреванія, которыя къ нашему глубочайшему при-

скорбію потрясаютъ Церковь, укротить и разсѣять и нашу печаль обратить въ радость. Ибо вы знаете, достопочтенные братія, что все упованіе нашего спасенія покоится въ Пресвятой Дѣвѣ, потому что Богъ положилъ въ Маріи полноту всякаго блага, въ слѣдствіе чего, какъ мы знаемъ, отъ Нея приходитъ, когда намъ удѣляется какая-либо надежда, какая-либо благодать, когда даруется кому либо спасеніе. Ибо благоизволилъ Богъ, чтобы мы имѣли все чрезъ Марію¹⁾).

„Вслѣдствіе сего онъ составилъ комиссію изъ кардиналовъ и знаменитыхъ богослововъ, которые должны были подвергнуть изслѣдованію это дѣло. — Кромѣ того, каждый епископъ долженъ былъ сколь возможно скорѣе сообщить свѣдѣніе о томъ, какъ настроенъ его клиръ и народъ по отношенію къ зачатію непорочной Дѣвы и горитъ ли желаніемъ, чтобы состоялось опредѣленіе объ этомъ ученіи; но въ особенности архипастыри должны были сообщить свои собственные взгляды и желанія по этому предмету²⁾).

„Свыше пятисотъ католическихъ епископовъ отвѣтили на это папское посланіе; 490 были совершенно согласны... и только 18, говорю и пишу 18, заявили свое несогласіе. Но изъ этихъ 18 ни одинъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія оскверненнаго зачатія; 17 — подвергаютъ сомнѣнію или оспариваютъ благовременность опредѣленія, а одинъ и только одинъ, кромѣ сомнѣнія, отрицаетъ самую правоспособность или возможность опредѣленія³⁾).

„Согласіе епископовъ, говоритъ онъ, выходило столькоже изъ пламеннаго почитанія Св. Дѣвы, какъ и почитаніе папы“. — Авторъ не приводитъ отзывовъ епископовъ на окружное посланіе папы; а между тѣмъ они весьма замѣчательны и заслуживаютъ того, чтобы на нихъ нѣсколько остановиться. Во первыхъ, несмотря на то, что эти 490 епископовъ изъявляютъ желаніе, чтобы ученіе о непорочномъ зачатіи во славу Богородицы было утверждено какъ догматъ, — ни одинъ однакожъ не посмѣлъ сказать, что вѣрованіе въ непорочное зачатіе составляетъ дѣйствительно часть откровенія, и что онъ и его церковь содержала и содержитъ какъ догматъ вѣры; всѣ напротивъ торжественно провозглашаютъ его новизну. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ епископъ аргипскій говоритъ: „я полагалъ бы, что Богу было бы пріятно, сколько для Его славы, столько же для усиленія благоговѣнія къ пресвятой Матери и утѣшенія благочестивыхъ христіанъ, чтобы таинство Ея чистѣйшаго зачатія было включено въ число

¹⁾ Zum Lobe стр. 80—81.

²⁾ Ib. 82.

³⁾ Ib. 83.

членовъ *Вѣры католической*" (р. 83). „Довершите же, наконецъ, св. отецъ, восклицаетъ епископъ андрійскій, это святое дѣло, которое не разъ уже предпринимали и начинали, но безъ всякаго рѣшительнаго результата“ (р. 66). „У васъ ключи вѣры (!), прибавляетъ епископъ арещскій, откройте, просимъ васъ, обогатите сокровищницу вѣры“ (р. 84). Епископъ асторскій умоляетъ „милосердіе папы, желая желаніемъ пламеннымъ, чтобы таинство непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы было включено въ число догматовъ и членовъ вѣры опредѣленіемъ апостольскаго престола“ (р. 96). Капитулярный викарій епархіи бизаркійской „желаетъ не менѣе пламенно, чтобы верховный первосвященникъ благоволилъ торжественно утвердить за пресвятой Богоматерію честь непорочнаго зачатія, включивъ его въ число догматовъ вѣры“ (р. 139). Епископъ города Кальви и Техію изображаетъ „болѣзнь и печаль, которыя онъ испытываетъ, видя, что вѣрованіе въ предохраненіе Дѣвы Маріи отъ первороднаго грѣха составляетъ только дѣло личнаго благочестія, и что нѣтъ никакого обязательства вѣрить тому, какъ члену вѣры“ (177). Архіепископъ кларійскій умоляетъ его святѣйшество „не отлагать долѣе столь желаннаго опредѣленія и мнѣніе о непорочномъ зачатіи преблагословенной Дѣвы Маріи одѣлать членомъ вѣры“ (200). Вообще сознаются, какъ простоудушно выражается епископъ сентъ-брюкскій, что „это благочестивое вѣрованіе еще не включено въ число догматовъ вѣры, и что, созерцая таинство непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы, чувствуешь, что недостаетъ чего-то (!) уму и сердцу, именно этой увѣренности, которая недопускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія“ (р. 538).

Вовторыхъ, въ своихъ заявленіяхъ епископы, давшіе согласіе, отказываются отъ своего неотъемлемаго права — судить о предметахъ вѣры, а „вполнѣ полагаются, какъ говоритъ кардиналъ Гуссе, на авторитетъ и мудрость св. отца, и свое согласіе на будущій судъ верховнаго первосвященника нисколько не ставятъ въ зависимость отъ суда своихъ собратьевъ по епископству.“ Такъ напр. кардиналъ Кансіано, епископъ севегальскій, восклицаетъ: „остается лишь пожелать, святѣйшій отецъ, чтобы ты, котораго Богъ поставилъ верховнымъ учителемъ и непогрѣшимымъ руководителемъ въ дѣлѣ вѣры, чтобы ты повелѣлъ Церкви“ и т. д. (р. 578). „Послѣ сего, святѣйшій отецъ, занимающій на землѣ мѣсто І. Христа, въ лицѣ Петра, *одина*, получившій отъ Бога власть изъяснять смыслъ изреченія божественныхъ Писаній“, говоритъ епископъ соанскій, — „мнѣ остается только припасть къ стопамъ твоего святѣйшества, прося и умоляя приступить“ и пр. (р. 582). „Послѣшите, пишутъ изъ Сиры, воздать эту верховную почесть Пресвятой Дѣвѣ Маріи своимъ непо-

грѣшимымъ догматическимъ опредѣленіемъ“ (р. 594). Изъ Гваделузы: „рѣшенія папъ не подлежатъ разсмотрѣнію, ибо они имѣютъ власть равную власти главы апостоловъ, власти І. Христа, власти Божіей“ (р. 317). Изъ Нурсіи: „одному тебѣ поручено свыше поучать всѣ народы... Ты верховный судія истины“ (р. 447). Изъ Тревизо: „Св. отецъ! отверзи святилище таинственныхъ прорицаній, возвѣсти великій догматъ“ (р. 621). Изъ Удино: „Святѣйшій отецъ, наставникъ истины, посредникъ между небомъ и землею, возвысь своей апостольскій голосъ и провозгласи съ тою увѣренностію, какую сообщаетъ тебѣ Богъ“ и пр. (р. 634). Вообще пишутъ такъ: „ты оракулъ церкви вселенской, источникъ здраваго ученія, неизмѣнное правило вѣры. Твои опредѣленія непогрѣшима, непоколебима, неизмѣнна, рѣшительны. Мы теперь, какъ и всегда, покоряемые непогрѣшиму суду намѣстника І. Христа“ и проч. Наконецъ, Филиппъ Артинò, епископъ астійскій, у котораго превознесеніе папы доведено до нелѣпой крайности, удивляетъ насъ слѣдующими по истинѣ изумительными словами: „усердно прошу тебя, святѣйшій отецъ, тебя, хранителя и судію вѣры, тебя, который отвергаешь небо и, просвѣщаясь высшимъ свѣтомъ, узнаешь сокровенные совѣты и тайны Божіи, тебя, дружески обращающагося съ І. Христомъ, котораго ты служишь представителемъ, тебя, которому не плоть и кровь, но самъ Богъ открываетъ истину, открой намъ наконецъ то преимущество, какое усвоено было Пресвятой Дѣвѣ Маріи“ и проч. Но есть и еще примѣры глубочайшаго униженія, до какого сами себя доводятъ епископы. „Святѣйшій отецъ! восклицаетъ бадаіозскій епископъ, — дойдя до второй части твоего окружнаго посланія, я пришелъ въ смущеніе и замѣшательство при мысли, что оракулъ удостоилъ спросить меня о моемъ мнѣніи, меня—послѣдняго изъ епископовъ! Признаюсь откровенно, св. отецъ, смущеніе и страхъ отняли бы у меня голосъ, языкъ мой прыльнулъ бы къ гортани моей, я не въ состояніи былъ бы произнести ни одного слова, еслибы святая покорность не налагала на меня обязанности говорить“ (р. 111). „Тебѣ достоинъ говорить, пишетъ епископъ байскій, а намъ слушать, слагать и хранить въ своемъ сердцѣ слова жизни, которыя ты изречешь“ (р. 124). Потомъ нѣсколько голосовъ повторяютъ вмѣстѣ: „мы предоставляемъ это дѣло суду твоей святости, мы полагаемся на твою высшую мудрость и напередъ подчиняемся твоему непогрѣшиму рѣшенію“.

Едвали можно серьезно ссылаться на такое согласіе епископовъ; оно свидѣтельствуетъ не столько въ пользу новаго догмата, сколько о чрезвычайныхъ усилѣхъ, какіе сдѣлала въ послѣднее время идея папизма. Преобладающее большинство голосовъ

успокоивало римскую курію съ той стороны, что противорѣчія утверженію новаго догмата не будетъ; весь католическій міръ приметъ рѣшеніе верховнаго пастыря со смиреніемъ и благоговѣніемъ. Послѣ этого мы сомнѣваемся въ справедливости замѣчанія автора, что будто бы даже протестантскій фанатикъ, съ враждебнымъ намѣреніемъ перерывшій всѣ документы, относящіеся сюда,—принужденъ былъ со- знаться, что согласные голоса вытекали изъ такого-же пламеннаго почитанія св. Дѣвы, какъ и почитаніе папы,—и будто бы больше ничего.

(Продолженіе будетъ).

Пр. А. Лебедевъ.

Порядокъ образованія недвижимой собственности церковной въ западной Россіи.

(продолженіе)*).

Погребеніе въ церквахъ въ силу дарственныхъ напоминъ душъ записей. Жертвователи въ пользу западнорусской Церкви на поминъ душъ недвижимаго имущества¹⁾ въ своихъ дарственныхъ записяхъ нерѣдко заявляли о томъ, чтобы ихъ похоронили въ тѣхъ церквахъ, которымъ они учинили вклады, чтобы поминовенія по душамъ ихъ и близкихъ имъ совершались вблизи ихъ праха, тутъ же надъ ихъ гробами²⁾. Эти гробницы съ останками благотворителей были какъ бы безмолвными свидѣтелями, напоминателями и блюстителями молитвенной памяти о душахъ ихъ, обязательно совершаемой изъ рода въ родъ, по указанію поминниковъ, служащимъ при тѣхъ церквахъ духовенствомъ. Оно въ гробницахъ этихъ имѣло всегда готовое обличеніе своего нерадѣнія къ поминовеніямъ.

Обычай погребать умершихъ внутри православныхъ храмовъ въ Западной Россіи ведетъ свое начало съ первыхъ вѣковъ христіанства въ ней³⁾.

*) См. № 19 X.-В. Е. Вѣстника за 1880 г.

¹⁾ Подобное было и при пожертвованіяхъ на Церковь денежныхъ суммъ. Собр. др. грам... мин. губ. №№ 76, 83 и 104.—Собр. др. грам.... Вильны, Троцьк... П. № 36.

²⁾ Собр. др. грам.... Минск. губ. №№ 109 и 127.

³⁾ Между 1054—1155 гг. въ Киево-Софійскомъ соборѣ погребено шесть князей (Опис. Киево-Соф. соб. I. стр. 55). Особенно много было гробницъ въ Киево-Печерской лаврѣ. Кромѣ подвигомъ добрымъ подвизавшихся въ ней иноковъ, въ стѣнахъ ея храмовъ съ очень ранняго времени стали погребать и постороннихъ, различныхъ лаврскихъ благотворителей. Такъ, для примѣра, здѣсь погребены были: около 1074 г. игумень Киево-Дмитровскаго м-ря Варлаамъ (Пат. Печ. л. 77; рукоп. С. Пет. дух. ак. безъ № л. 39), между 1089—91 гг.—Симонъ Африкановичъ (Пат. Печ. л. 59 на обор.), въ 1091 г.—жена Иоанна Вышатича Марія, а спустя

Въ 1158 г. минская княгиня Анастасія Ярополковна пожертвовала Киево-Печерскому монастырю пять селъ съ тѣмъ между прочимъ обязательствомъ, чтобы похоронить тѣло ея въ Печерской обители¹⁾. Въ Вѣльска (гродн. губ.) Пречистенской церкви погребена была основательница ея, бабка Польскаго короля Александра, Васса Михайлова²⁾ съ мужемъ своимъ Михаиломъ Семеновичемъ³⁾ и братомъ его Василиемъ Семеновичемъ⁴⁾; оба русскіе князья — владѣтели Гродненскіе, Вѣльскіе и Кобринскіе. Тоже самое продолжало существовать и послѣ—въ трудныя для западнорусской православной церкви времена. Въ 1609 г. патронъ Селецкой Воскресенской церкви завѣщаваетъ похоронить его въ ней, гдѣ уже лежалъ прахъ его жены и дѣтей⁵⁾. Погребеніе внутри храма Божія и молитвы за погребенныхъ у гробницъ ихъ служили побужденіемъ имущественныхъ пада- ній въ 1639 г. Грозовскимъ церквамъ⁶⁾. 1656 г. одинъ благотворитель даритъ православному Пинскому Богоявленскому монастырю дворъ, огородъ и „полана“ пахатной земли съ тѣмъ, чтобы по смерти быть погребеннымъ въ монастырской церкви⁷⁾. Или еще для примѣра, — въ 1657 г. падавецъ имущества на Луцкую братскую церковь завѣщали похоронить ихъ „въ церкви“ этой „въ особомъ гробѣ“⁸⁾. Подобное изрѣдка встрѣчается во времена уніи при пожертвованіяхъ на уніятскія зап. рус. дух. учрежденія⁹⁾. Бѣдные люди, съ малыми матеріальными средствами и скромнымъ общественнымъ положеніемъ, жертвуя на церковь что могли, просили похоронить себя хотя „при церкви“¹⁰⁾.

Мѣсто уставленія своихъ гробовъ въ церквахъ часто опредѣляли сами дарители. Одни желали и были погребены „подъ амвономъ“ („амбонами“¹¹⁾), другіе—по срединѣ церкви въ „мурованомъ“, нарочно приготовленномъ склепѣ¹²⁾, иные опять — подъ

15 лѣтъ и самъ Іоаннъ Вышатичъ (Ibid. л. 50). Въ той же лаврѣ погребены были дѣти вел. кн. Литовскаго Ольгерда (Ак. зап. Рос. I. № 46). И не одни монастыри были мѣстомъ упокоенія древнихъ благочестивыхъ западнорусовъ; напр. въ Луцкой Соб. церкви стояли древніе гробы русскихъ князей (Арх. юго-зап. Рос. I. I. №№ 70 и 78).

¹⁾ П. Собр. Р. Л. П. стр. 82.

²⁾ Арх. Сбор. Вилен. I. № 8.

³⁾ „Якоже написъ опѣваетъ на таблицѣ за образами тремя намѣстными, украшенными золотомъ“. Ibid. № 99.

⁴⁾ Ibid. II. № 111.

⁵⁾ Собр. др. грам... Мин. губ. № 44.

⁶⁾ Ibid. № 109.

⁷⁾ Ibid. № 127.

⁸⁾ Арх. юго-зап. Рос. I. IV. № 6.

⁹⁾ Арх. Сборн. Вил. X. стр. 36, 41, 42, 284.

¹⁰⁾ Арх. юго-зап. Рос. I. IV. № 108.

¹¹⁾ Собр. др. грам... Минск. губ. № 44.

¹²⁾ Ibid. № 127.—Арх. Сборн. Вил. X. стр. 41.

придѣломъ церковнымъ — въ фамильномъ склепу, въ который безъ ихъ согласія никто изъ постороннихъ не могъ быть погребенъ монахами¹⁾, и никто изъ мірянъ не въ правѣ былъ „склепъ разбити“ съ цѣлью „собе тамъ и дѣти свое ховати“ подъ „зарукою“, напр., на короля 700 копъ грошей²⁾;—нѣкоторые строили при монастырѣ часовню и подъ ней устроили фамильную усыпальницу³⁾. Довольно распространеннымъ было желаніе быть погребенными близъ гробовъ близкихъ родныхъ⁴⁾.

При выборѣ духовныхъ учреждений для погребенія, предпочтеніе давалось монастырямъ предъ соборными и особенно приходскими церквами, очевидно въ виду ежедневно совершаемаго въ монастырскихъ церквахъ богослуженія. Изъ монастырей же въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется славная на всю западнорусскую землю обитель Кіево-Печерская. Кіево-Дмитровскаго монастыря игуменъ Варлаамъ, умирая на дорогѣ изъ Константинополя въ Кіевъ, заповѣдалъ „сущимъ съ нимъ, да тело его проводить въ монастырь Печерскій, и тамо положить...., еже и сотвориша по заповѣди его“⁵⁾. Подскарбій земскій Литовскій, маршалокъ и писарь королевскій Михаилъ Богущъ Боговитивовъ, 1529 г. на смертномъ одрѣ въ Слонимѣ, своєю духовною обязалъ родныхъ своихъ похоронить его въ Кіево-Печерской лаврѣ, именно чтобы въ ней „и проводъ виншти, и сорокоустъ годовый и внесъ вѣчный датн“⁶⁾. Умершій въ 1576 г. въ Луцкѣ князь Кобринскій, не смотря на то, что тамъ были мѣстные монастыри, завѣщаль похоронить себя тоже въ Кіево-Печерской лаврѣ⁷⁾. Быть погребеннымъ въ этой св. обители стало своего рода мечтою, непреодолимою потребностію многихъ благочестивыхъ западноруссовъ. Но, кромѣ Печерской лавры, древними гробницами цѣлыхъ западнорус. родовъ полны склепы многихъ другихъ прав. монастырей западной Россіи. Только въ рѣдкихъ случаяхъ дальность разстоянія отъ излюбленнаго м-ря останавливала умирающаго благодетеля предъ осуществленіемъ желанія быть въ немъ похороненнымъ. Такъ въ 1601 г. К. О. Чаплинъ-Шпановскій, застигнутый смертію въ своемъ имѣніи Глупонинѣ, въ завѣщаніи своемъ выражаетъ желаніе быть погребеннымъ въ Дорогобужскомъ

монастырѣ, и за тѣмъ дозволяетъ, если окажется труднымъ отправленіе тѣла его въ такую даль, помѣстить гробъ его и въ основанной имъ Глупонинской церкви¹⁾.

Погребеніе въ церкви предпочиталось жертвованиями на поминъ недвижимаго имущества погребенію на кладбищѣ не только изъ за того, чтобы молитвы о поминовеніи совершались надъ ихъ прахами, но еще и по тому побужденію, чтобы ближе лежать около святыхъ угодниковъ, въ церквахъ покоившихся. И этому стремленію монастыри удовлетворяли преимущественнѣе приходскихъ церквей; а среди монастырей Кіево-Печерская лавра, съ многочисленными петлѣнными останками своихъ подвижниковъ и всероссійскою славою своихъ основателей—преподобныхъ Антонія и Θεодосія, на всю западную Россію не имѣла себѣ соперниковъ. Достаточно указать самые ранніе факты въ этомъ родѣ. Мать перваго Кіево-Печерскаго игумена Варлаама Марія, супруга Іоанна Вышатича погребена была въ этомъ монастырѣ въ 1091 г. „противъ гроба Θεодосія на лѣвой сторонѣ“²⁾. Черезъ 15 лѣтъ умеръ самъ „бодяринъ великій“ І. Вышатичъ и „положенъ бысть оу главы жены своея противъ гроба того же преподобнаго Θεодосія“³⁾. Въ 1158 г. княгиня Анастасія Ярополковна, имѣвшая при жизни „велику... любовь... къ св. Богородицы и къ отцу Θεодосью“, согласно ея желанію, погребена была тоже „въ Печерской обители, близъ гроба преподобнаго Θεодосія“⁴⁾. И это желаніе такъ было сильно, что въ послѣдующія времена, когда нельзя было, по неимѣнію мѣста, быть погребеннымъ „близъ гроба“ Θεодосія, умирающіе даже вдали отъ Кіева, въ своихъ завѣщаніяхъ обязывали похоронить себя въ Печерской лаврѣ, быть записанными въ ея поминникъ, съ установкою надъ своею могилою хотя иконъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія, иногда „серебромъ оправленныхъ“⁵⁾. Печерское преданіе о томъ, что преп. Θεодосій предъ своею смертію обѣщаль, что всякій положенный въ стѣнахъ этой св. обители будетъ помилованъ отъ Бога, въ старину было предметомъ общаго народнаго вѣрованія⁶⁾.

Все эти гробы въ церквахъ, предполагалось, будутъ стоять вѣчно⁷⁾. Если церковь по какому ни-

¹⁾ Собр. др. грам. Вильны, Троцьк.... П. № 43. — Арх. Сб. Вил. X. стр. 284.

²⁾ Ак. Вилен. Ком. III. № 14.

³⁾ Арх. Сбор. Вил. X. стр. 36.

⁴⁾ Ibid. I. № 75.—Собр. др. грам.... Минск. губ. № 44.

⁵⁾ Патер. Печ. л. 77, рукоп. библ. Петер. дух. ак. безъ № л. 39.

⁶⁾ Ак. юж. и зап. Рос. I. № 91.

⁷⁾ Арх. юго-зап. Рос. I. I. № 17.

¹⁾ Арх. Сборн. Вилен. I. № 75.

²⁾ Патер. Печер. л. 50.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ П. С. Р. I. II. стр. 82.

⁵⁾ Ак. юж. и зап. Рос. I. № 91.

⁶⁾ Рус. цер. ист. Знаменскаго, стр. 50.

⁷⁾ Хотя множество ихъ съ теченіемъ времени неизвѣстно куда дѣлись и когда исчезли. Напр. куда дѣвались гробы 6 князей русскихъ, погребенныхъ 1054 — 1155 гг. въ Кіево-

будь случаю переносилась на другое мѣсто, туда д. б. переноситься и хранившіеся въ ней останки ея благотворителей. При перенесеніи въ 1507 г. зданія Бѣльской Пречистенской церкви самъ король польскій Александръ напомнилъ, чтобы вмѣстѣ съ нею перенести и останки основат. ельницы ея, указанной выше, его бабки¹⁾.

Древній русскій обычай погребать тѣла умершихъ въ правосл. церквахъ сказанъ въ отрадной и поучительной формѣ, въ половинѣ XVII вѣка, во время борьбы за православную вѣру Малороссіи съ Польшей. Въ 1650 г. гетманъ Богданъ Хмѣльницкій докладывалъ Польскому правительству, что запорожцы требуютъ возвращенія православному духовенству, отпыхъ уніятами въ Польшу и на Литву, церквей съ ихъ имѣніями, потому что въ нихъ погребены ихъ православные предки²⁾.

О выморочныхъ имѣніяхъ. Сознаніе необходимости устроения души пожертвованіями на поминъ ея Церкви недвижимыхъ имѣній сказанъ въ Византійскомъ церковно-гражданскомъ законодательствѣ теоріей *о выморочныхъ имѣніяхъ*, какъ неотъемлемомъ наслѣдствѣ церкви. При императорѣ Константиѣ вел. сдѣлано было распоряженіе, секвестрованные за прежнее время недвижимыя имѣнія мучениковъ и исповѣдниковъ, неоставившихъ по себѣ родственниковъ, выдать изъ казны въ наслѣдіе общей ихъ матери церкви³⁾. Затѣмъ, въ одномъ изъ памятниковъ Византійскаго законодательства и у насъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Закона Суднаго встрѣчается слѣдующее правило: „всяко село, аще ему господинъ погибнетъ (погибаетъ), а (и) не будетъ наслѣдника рода его, дабы тяжель (тяжалъ), да дасться церкви Божіей“⁴⁾. Но ничего подобнаго этому нѣтъ въ Литовско-польскомъ законодательствѣ по отношенію къ западнорусской Церкви. Нѣтъ также никакихъ историческихъ указаній на *фактический* переходъ къ ней выморочныхъ послѣ свободныхъ владѣльцевъ имѣній, — которыя здѣсь назывались „кадуками“, — въ силу ихъ „кадуковаго“, такъ сказать, сиротства. И это безразлично, имѣть ли въ виду времена древняго и позднѣйшаго православія зап. рус. Церкви, или время ея невольнаго уніятства.

Совѣйскомъ соборѣ (Опис. Кіев. Соф. Соб. I. стр. 55), или древніе гробы князей русскихъ, похороненныхъ въ Луцкой соборной церкви и въ 1856 г. не найденныхъ (Арх. юго-зап. Рос. I. I. №№ 70 и 78)?.

¹⁾ Арх. Сборн. Вилен. I. № 8.

²⁾ Пам. Кіев. Ком. II. III. № 2.

³⁾ Любимова. О сред. сод. хрисг. духов. стр. 20—21.

⁴⁾ Милютинъ Вл. „О недвиж. им. духов. въ Росс.“ примѣч. 183 (изъ — „Русск. Достоп. II. ст. 104). — Свящ. М. Гор-

Выморочныя имѣнія послѣ собственниковъ изъ свободныхъ сословій, по западнорусскимъ законамъ, составляли наслѣдство высшей государственной власти — великихъ князей Литовскихъ и королей Польскихъ. Такъ уже въ послѣдней четверти XV вѣка въ западной Россіи вдова бездѣтная, по смерти своего мужа, „не могла“ свое имѣніе „къ церкви Божьей записывать“; въ противномъ случаѣ подобное „привиліе по еѣ животѣ“ король, на правахъ — „кадуковаго“ наслѣдника, считалъ въ правѣ „зламать“ и выморочъ или оставить за собою, или „дать“, кому хотѣлъ. Никакія „жалобы“ къ королю духовныхъ властей не могли такой, отказанной церкви формальнымъ „привиліемъ“, выморочи возвратитъ къ церковному владѣнію, она присуждалась новому владѣльцу¹⁾. Отсюда ясно, что подобныя жалобы уже въ XV в. не имѣли для себя не только юридическаго, но даже и фактическаго, т. е. на основаніи установившагося обычая, оправданія. Дѣло совѣмъ иначе рѣшалось, если оказывался родственникъ такого владѣльца, о которомъ первоначально ошибочно дѣзнано было, что онъ „безъ потомства споль“. Послѣ подачи такого рода истцомъ выморочи просьбы къ королю о томъ, что онъ „имѣетъ близкостъ право“ къ „узязому на господаря“ имѣнію, слѣдовало полное удовлетвореніе²⁾. Тѣже самыя права наслѣдства имѣла высшая государственная власть и къ кадукамъ послѣ — „казацкимъ“. О нихъ въ одномъ документѣ подл. 1503 г., читаемъ: „какъ же того обычай есть, тыи отъ умерлые речи, хто ближнего не маеть, приходятъ на Намѣстника княжескаго“³⁾, при чемъ намѣстникъ менѣ цѣнныя вещи раздавалъ княжескимъ слугамъ, а болѣе дорогія отдавалъ вел. князю⁴⁾. Въ литовско-польскомъ государствѣ только выморочи послѣ крѣпостныхъ не переходили къ королямъ. По конституціи коронаціоннаго сейма 1588 г., „кадуки“ „подданныхъ“ переходили къ ихъ господамъ, духовенства къ духовнымъ, а свѣтскихъ владѣльцевъ къ симъ послѣднимъ⁵⁾. Изъ всего этого только то одно слѣдуетъ, что церковь въ западной Россіи на правахъ законнаго наслѣдства могла получать кадуки только послѣ своихъ крестьянъ, которые, строго говоря, и прежде ей принадлежали и только лишь изъ населенныхъ становились неза-

селенными. Чакова. О земельн. влад. Росс. митроп... стр. 110 (ссылка на Полн. Собр. Рус. Лѣт. VI. стр. 70). — Н. Колачова въ Архивѣ истор. юрид. свѣдѣній кн. I. отд. III. стр. 28—40.

¹⁾ Ак. зап. Рос. I. № 70.

²⁾ Перечн. оп. рукоп. Вилен. Публ. библ. вып. 1. стр. 75.

³⁾ Арх. юго-зап. Рос. III. I. № 1.

⁴⁾ Тамъ же. Предисл. стр. XXVIII.

⁵⁾ Vol. Leg. v. II. f. 1210. — Литовскій статутъ III. изд. 1811 г., на стр. 110 (Кор. Кон. 1588. кн. 2. стр. 1209. № 8).

Такой вывод не ослабляется частными случаями перехода въ собственность духовныхъ учреждений зап. рус. Церкви выморочныхъ имѣній послѣ владѣльцевъ изъ свободныхъ сословій. Каждый разъ это происходило съ соизволенія высшей государственной власти, потому таковыя выморочи для Церкви были не „наслѣдствомъ“ а „пожалованіемъ“. Для примѣра можно указать хотя бы на слѣд. фактъ изъ XVI в. Неизвѣстно отъ сколькихъ лѣтъ до 1511 года держалъ „въ пенязѣхъ“ у нѣкоего Ходорковича землю въ Суслонщинѣ священникъ гродненской Троицкой церкви. Въ 1511 г. Ходорковичъ этотъ умеръ и никакихъ наслѣдниковъ не оставилъ. Тотчасъ послѣ его смерти залогодержатель земли покойнаго — священникъ обратился съ прошеніемъ къ королю Сигизмунду, въ которомъ, ссылаясь на смерть Ходорковича и то, что послѣ него „наслѣдка къ тому нѣтъ“, просилъ, чтобы „тую землю въ тыхъ его пенязѣхъ ему дали на проживеніе церкви Божее“. Король Сигизмундъ утвердилъ за просителемъ землю, но подъ тѣмъ условіемъ, если все изложенное въ прошеніи томъ справедливо¹⁾. Но такимъ, чисто юридическимъ путемъ могли поступать на церковь всякія выморочи, даже перешедшія къ королю отъ владѣльцевъ-иновѣрцевъ. И такіе случаи не только могли быть, но и дѣйствительно были. Такъ въ 1497 г. „старцы“ кіево-пустынскаго монастыря просили вел. кн. литовскаго Александра прибавить имъ земли своимъ пожалованіемъ; вел. князь велѣлъ кіевскому воеводѣ „обыскать гдѣ землю пашенку пустую жидовскую“; найдена была такая земля послѣ нѣкоего еврея Огроновича и, — по тому соображенію, что она до сихъ поръ была никому непригодна, „давно лежитъ пуста, а наслѣдку того жиды неостало никого“, — ее отдали монахамъ Кіево-пустыннымъ въ пользованіе: „нехай они тую землю держать къ монастырю и пашутъ, со всеѣмъ по тому, какъ тотъ жидъ Огроновичъ держалъ и пашалъ“²⁾.

Единственное, при такомъ рѣшеніи вопроса о выморочныхъ въ зап. Россіи имѣніяхъ, исключеніе представляютъ „кадуки“ послѣ монаховъ какъ православныхъ, такъ и уніятскихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ особенныхъ замѣчаній требуютъ выморочи послѣ епископовъ и бѣлаго духовенства.

Въ силу монашескихъ принциповъ каждый инокъ долженъ былъ весь принадлежать своему монастырю и церкви Христовой, считался оторваннымъ совершенно отъ своей семьи и родныхъ, словно неимѣющимъ никакого родства въ мірѣ,

слѣдовательно умирая не оставлялъ, строго говоря, никакихъ наслѣдниковъ на свое имущество, вслѣдствіе чего имѣнія монаховъ очень часто считались и трактовались выморочными. Вотъ, въ исторіи этихъ выморочей нерѣдко въ западной Россіи возстановлялась практика древней восточной Церкви¹⁾, именно монашескіе „кадуки“ переходили часто къ монастырямъ на правахъ *наслѣдства*. Такъ, еще въ 1093 году по смерти кіево-печерскаго инока, св. Григорія Чудотворца, „братія... приидоша въ келію его (которая „заключена бѣ“) ... *взяти, аще бы что нужднаго осталося* по святѣмъ“²⁾. Въ XVI в., право монастырей на имущество своихъ умершихъ иноковъ, доселѣ державшееся на давнемъ и повсемѣстномъ *обычѣ*, признано было за зап. рус. православными монастырями относительно движим. монашескаго имущества *юридически*. Раньше 1522 г., въ монастыряхъ, находившихся въ королевскомъ патронатствѣ, какъ напр. въ Кіево-Печерекомъ, вошло въ обычай такого рода злоупотребленіе со стороны воеводъ, что по смерти настоятеля монастыря „воеводы кіевскіе къ своимъ рукамъ тотъ монастырь бѣрали и держивали“ до назначенія новаго архимандрита, при чемъ часто „статки того архимандрита (умершаго)... забирали“. Въ 1522 г. монахи кіево-печерской лавры просили короля Сигизмунда предоставить право самимъ старцамъ монастырскимъ, вмѣсто воеводъ, держать монастырь во все время его вакантствованія, и король Сигизмундъ подтвердилъ за ними это право съ разъясненіемъ, что они „мають все статки архимандричіе брати *къ вспоможенію церковному*“³⁾. Эта королевская грамота подтверждена была Сигизмундомъ Августомъ въ 1550 и 1570 годахъ⁴⁾. Затѣмъ Литовскимъ Статутомъ всеѣхъ трехъ редакцій запрещено было всеѣмъ „законникамъ“ оставлять послѣ себя завѣщанія относительно движимаго имущества, т. е. другими словами — распоряжаться имъ по своей волѣ⁵⁾. Въ 1673 г., львовскій еп. Іосифъ Шумлянскій „28 іюня объявилъ свое распоряженіе, что ставропигія (т. е. львовскій Онуфріевскій монастырь) имѣетъ право наслѣдовать имущество по смерти каждаго инока“ своего⁶⁾. Въ 1775 г. на Варшавскомъ сеймѣ относительно уніятскихъ монаховъ б. постановлено, что „родственники ихъ, отъ на-

¹⁾ Объ этой практикѣ см. въ „Опытѣ курса церков. законовѣдѣнія. Архим. Іоанна. Вып. 2, стр. 546 — 547, 560 и прим. 373.

²⁾ Патер. Печер. л. 104.

³⁾ Ак. зап. Рос. II. № 112.

⁴⁾ Ак. юж. и зап. Рос. II. № 147.

⁵⁾ 1 Стат. разд. V. арт. 17; 2 Стат. разд. VIII. арт. 1.; 3 Стат. разд. VIII. арт. 1.

⁶⁾ Лѣтоп. львов. бр. Зубрицкій, стр. 117.

¹⁾ Вѣст. зап. Рос. 1865 г. кн. 12, отд. II, стр. 175.

²⁾ Ак. зап. Рос. I. № 151.

слѣдства послѣ умершихъ законниковъ отдалены¹⁾. Подобное мы видимъ въ практикѣ и р. католической церкви въ зап. Россіи²⁾. Но это все имѣетъ отношеніе къ монашескимъ выморочамъ лишь движимымъ. Что же касается имущества недвижимаго братіи православныхъ зап. рус. монастырей, и затѣмъ базилианъ какъ польской, такъ и литовской провинцій: то никакихъ, строго говоря, относительно монастырскихъ правъ по наслѣдству его, законодательныхъ опредѣлений нельзя и разыскивать, такъ какъ ихъ и быть не могло. De jure, по совершенно яснымъ правиламъ общежитія монастырскаго, монахамъ, православнымъ уніятскимъ, нельзя было имѣть *своего* имущества³⁾. Хотя изъ этого не слѣдуетъ, что правосл. и уніятскіе монахи въ зап. Россіи никогда не владѣли недвиж. имѣніями и слѣдовательно вопроса о выморочныхъ этого рода имуществахъ нечего и подымать, такъ какъ нерѣдко иноки владѣли не только движимостію но и недвижимостію⁴⁾; но все дѣло въ томъ, что владѣемое не могло быть обнято государственнымъ законодательствомъ и de facto предоставлено было почти полному произволу владѣющихъ. Они свободно и при жизни дарили свои имѣнія, кому хотѣли⁵⁾, и отказывали ихъ завѣщаніями по своему полному благоусмотрѣнію. Такъ, напр. по завѣщаніямъ имѣнія монаховъ переходили не къ монастырямъ, а совсѣмъ въ другія руки⁶⁾, или въ монастыри— за деньги, куплею⁷⁾. А если монастыри получали отъ своихъ монаховъ и монахинь недвиж. имѣнія даро-

вымъ способомъ, то тоже въ силу завѣщаній, а не по наслѣдств. праву¹⁾. При этомъ извѣстны случаи имущественныхъ по завѣщаніямъ монаховъ отказовъ на монастыри чужіе²⁾, — инокини, напр., иногда жертвовали на мужскія обители³⁾. Но съ монашескими имѣніями могли быть и такіе случаи, при которыхъ владѣльцы ихъ не могли распорядиться своею собственностію, какъ хотѣли. Такими случаями были: 1) долги на монахѣ⁴⁾, 2) если имѣніе было „купленное“ и близкіе родственники продавца желали его выкупить⁵⁾ и 3) если владѣльцемъ имѣнія былъ уніятскій аббатъ, такъ какъ имѣнія аббатскія обязательно переходили къ наслѣдникамъ⁶⁾.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. А. Будиловичъ.

¹⁾ Патер. печер. лл. 143 на обор. и 155.—Собр. др. грам. мин. губ. № 107.

²⁾ Пам. кiev. ком. I. I. № 13.—Арх. юго-зап. Рос. I. I. № 7.

³⁾ Ак. зап. Рос. III. № 101.—Ак. юж. и зап. Рос. I. № 169.—Почти тоже самое пришлось бы повторить относительно имущественной собственности монаховъ римско-католическихъ въ зап. Россіи (Ак. юж. и зап. Рос. I. № 67; II. № 71.—Vol. Leg. v. I. f. 478—479) и православныхъ въ восточной Россіи (В. Милютина. „О недв. им. дух. въ Рос.“ стр. 91—92, прим. 179—181).

⁴⁾ Ак. зап. Рос. I. № 148.

⁵⁾ Ibid. III. № 11.

⁶⁾ Тр. кiev. дух. ак. 1870 г. ноябрь, стр. 345, примѣч. 1.

¹⁾ Vol. Leg. v. VIII. f. 281.—Czacki. II. not. 21, p. 18.

²⁾ Jaroszewicz. Obr. Lit. III. p. 37.—Vol. Leg. v. VII. f. 63.—Czacki. II. not. 21, p. 18.—Указанныя выше постановленія Литов. Статутовъ.

³⁾ Патерикъ печер. лл. 34 и на обор., 42, 94 на обор., 95 и на обор., 96, 99 и на обор., 119 на обор., 120 на обор., 121 на обор. и 124 на обор. Труды кiev. дух. ак. 1870 г. май, стр. 445.—Супрасл. мон. А. Модеста, стр. 69.—Чт. М. О. ист. и др. Р. 1859 г. IV.—В. Милютина: о недв. им. дух. въ Рос. прим. 179.

⁴⁾ Патерикъ печер. лл. 96 на обор., 102 и на обор., 103 и 104.—Ак. зап. Рос. I. №№ 98, 148, 160; II. № 78; III. № 12.—Ак. юж. и зап. Рос. I. №№ 61, 62, 69, 74 и 201.—Арх. Собрн. вилн. I. № 62.—Арх. юго-зап. Рос. I. I. стр. 351, 354, 355, 361—364.—Пам. кiev. ком. I. I. № 24.—Собр. др. грам. минск. губ. №№ 154 и 160. См. также примѣчанія предыдущія, кроме послѣдняго, и непосредственно слѣдующее.

⁵⁾ Ак. зап. Рос. I. № 98; II. № 78; IV. № 127.—Труды кiev. дух. ак. 1870 г. май стр. 463.

⁶⁾ Патер. печер. лл. 117, 119 на обор., 132 на обор.—Ак. юж. и зап. Рос. I. № 84.—Арх. юго-зап. Рос. I. I. №№ 7 и 9.

⁷⁾ Пам. кiev. ком. II. I. № 29.—Ак. зап. Рос. V. № 175.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Опредѣленіе Святейшаго Синода объ увеличеніи числа уроковъ по русскому языку съ церковно-славянскимъ.—Объявленія и извѣстія: 1) Назначеніе новаго цензора; 2) О порядкѣ представленія къ наградамъ медицинскихъ чиновъ, состоящихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ и другихъ учрежденіяхъ Холмска-Варшавской епархіи; 3) Перемѣщеніе священниковъ; 4) Освященіе церковью Опольской и Добрыньской; 5) Награжденіе церковнаго старосты похвальнымъ листомъ; 6) Утвержденіе въ должности церковнаго старосты; 7) Устройство и освященіе домовою церковью въ зданіи бѣльскаго гимназіи.—**Отдѣлъ II.** Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, прот. А. Лебедева (продолженіе).—Порядокъ образованія недвижимой собственности церковной въ западной Россіи, свящ. А. Будиловича (продолженіе).

Редакторы: Священникъ А. Демьяновичъ.
Священникъ А. Будиловичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 24 января 1881 года. — Цензоръ, ключарь протоіерей К. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.